ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

ЛЕКЦИЯ 15. ТЕМА 1.15. ТЕОРИЯ «СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ» И ЕЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ В РОМАНЕ

Роман «Преступление и наказание» (1866) принадлежит к числу ключевых произведений русской классической литературы, в которых осмыслена проблема limits человеческой воли и нравственной ответственности личности. Центральный конфликт романа возникает на пересечении философской идеи, вынашиваемой героем, и художественной системы, которая эту идею испытывает и опровергает. Достоевский строит повествование как идеологический эксперимент: теория «сильной личности», взятая героем в качестве жизненной программы, проверяется самой тканью романа — сюжетом, системой персонажей и внутренним развитием образа главного героя.

1. Теория Раскольникова: содержание и источники

Родион Раскольников, бывший студент юридического факультета, живущий в крайней бедности в Петербурге, разрабатывает и частично публикует статью «О преступлении», в которой излагает свою концепцию. Суть теории сводится к разделению всего человечества на два разряда:

- **«обыкновенные» люди** — материал истории, живущие в послушании и призванные лишь сохранять и продолжать род;
- **«необыкновенные» люди** — двигатели прогресса, которые, стоя на пути к своей цели, имеют «право» переступить через закон и даже через кровь, если этого требует их идея.

Показательно, что в статье Раскольников приводит в пример Ликурга, Солона, Магомета и Наполеона: законодательство последних оспаривалось, их деяния, включая убийства, принимались человечеством как оправданные целью. Отсюда ключевая формула героя: «Тварь ли я дрожащая или право имею?»

Теоретические истоки идеи Достоевский не сводит к одной доктрине. В статье героя слышны мотивы, общие для европейской мысли середины XIX века: утилитаристский расчёт («одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика»), культ сильной исторической личности, восходящий к наполеоновской традиции, и — шире — рационалистическое умозрение, полагающее, что жизнь можно перестроить по логической схеме. Важно подчеркнуть: теория Раскольникова не есть авторская позиция. Достоевский сознательно выстраивает роман так, чтобы вся система художественных средств работала на опровержение этой теории.

2. Замысел убийства и его результаты

Раскольников совершил убийство старухи-процентщицы Алёны Ивановны 7 июля, а также непреднамеренно убил кроткую Лизавету — свидетельницу преступления. Уже этот факт обнаруживает первый крах теории: по замыслу убийство должно было быть «арифметически» оправданным — одна вредная жизнь против множества спасённых, — но на практике жертвой стала невинная, забитая женщина, которую сам герой считал «кроткой».

Дальнейшее опровержение теории происходит по нескольким линиям:

Во-первых, телесная и психическая реакция героя. Сразу после убийства Раскольников впадает в лихорадочное состояние, теряет сознание при известии о смерти Лизаветы, физически не может пользоваться украденными деньгами, которые прячет под камень, ни разу не взглянув на них. «Я себя убил, а не старушонку!» — эта формула героя показывает, что теория и живая природа человека несовместимы: преступление разрушает самого преступника.

Во-вторых, отторжение героя другими. Соня Мармеладова в ответ на признание кричит: «Встать! Крестись!» и требует немедленного покаяния; Порфирий Петрович ведёт с героем психологическую дуэль, исход которой предопределён: следователь понимает, что Раскольников не выдержит. Никто в романе не принимает теорию как жизнеспособную.

В-третьих, провал «власти». Претендуя на роль человека «необыкновенного», Раскольников после убийства оказывается неспособен ни на одно действие в духе Наполеона. Его внутренний монолог над улыбающейся катящейся по улице девочкой («Неужели я старушонку убил? Я ведь себя убил, а не старушонку») и состояние, в котором он мечется, слабеет, отгораживается от людей, демонстрируют распад самой конструкции «сильной личности».

3. Трагические противоречия характера героя

Художественная сила образа Раскольникова — в его внутренней разорванности. Достоевский строит характер на системе противоречий, каждое из которых подрывает теорию:

Доброта и теория. Герой, теоретически допустивший убийство ради «тысяч добрых дел», на практике всю жизнь жертвует собой ради других: отдаёт последние деньги семье Мармеладовых, спасает детей из горящего дома, с риском для жизни вытаскивает пьяную девочку. Его человеческая природа постоянно противоречит его умозрению.

Гордость и униженность. Раскольников одновременно презирает «муравейник» людей и болезненно страдает от своей исключённости из него. Оскорблённое самолюбие («я хотел стать Наполеоном») соединяется в нём с глубинной потребностью в любви и принятии, которая реализуется только в финале — на кораблике Сони на берегу Иртыша, где герой впервые чувствует себя способным принять жизнь.

Рациональность и иррациональность. Герой поступает по логической схеме, но его действия импульсивны, спонтанны, полны снов и галлюцинаций. Сны (сновидение о забитой до смерти лошади, сновидение о смеющейся старухе, сновидение о трихинах и эпидемии моровой язвы, когда люди «не знали, кто виноват») — важнейший художественный инструмент, показывающий, что подсознание героя отвергает теорию раньше, чем сознание.

Отшельничество и стремление к людям. Герой замыкается, но при этом не может устоять против общения — с Разумихиным, с Соней, с Порфирием. Это одиночество — не гордое, а мучительное, «тюремное».

Именно эта раздвоенность делает героя трагическим: он погибает не от наказания, а от невозможности жить по теории, которая противоречит самой его человеческой сущности.

4. Тема двойничества и её воплощение в романе

Система персонажей «Преступления и наказания» построена по принципу зеркальных отражений: герои-двойники раскрывают разные грани теории Раскольникова и разные варианты его судьбы.

Лужин — двойник-карикатура. Его «теория целого кафтана» и «экономический» эгоизм (по расчёту, любовь к самому себе приводит к тому, что «всем лучше сделается») — та же идея «права на всё», но доведённая до пошлости. Лужин хочет «властвовать» не героическим подвигом, а расчётом; он нужен Достоевскому как сниженный вариант той же идеи, показывающий её реальное лицо в обыденной жизни.

Свидригайлов — двойник-угроза. Аристократ-циник, «плут и доносчик», он также «переступил» — убил, по слухам, жену Марфу Петровну и, возможно, другие. Но его «переступание» не оправдано никакой идеей: это власть без трансцендентной цели, обернувшаяся скукой, развращённостью, самоубийством. Свидригайлов показывает Раскольникову его собственное будущее: «Ведь это на насма́х, без расчёта... мы с вами одного поля ягоды». Его смерть — художественное предостережение: личность, ставшая «Наполеоном» без веры и сострадания, приходит к пустоте и самоуничтожению.

Лебезятников — теоретик-социалист, носитель модных «новых идей», двойник-пародия: его утилитаризм поверхностен, лишён силы и глубины, что подчёркивает бедность всякой идеи, сведённой к моде.

Соня Мармеладова — двойник духовный, «другой полюс». Она также «переступила» (через мораль, через себя), но по противоположному мотиву: не из гордости, а из сострадания и самопожертвования. Её христианское смирение, чтение Евангелия (эпизод воскрешения Лазаря — один из композиционных узлов романа) и её путь — в каторгу вслед за героем — становятся альтернативой теории «сильной личности». Соня не спорит с Раскольниковым логически; она его перевоплощает: в финале герой признаёт, что не к Старой доказал, а к Соне «себя переклал».

Разумихин — двойник-контрапункт: добрый, деятельный, живущий не теорией, а жизнью. Он — та «обыкновенность», которую Раскольников презирает, но которая оказывается нравственно состоятельной.

Таким образом, двойничество — не декоративный приём, а структурный принцип романа: каждый двойник либо обнажает уродство теории (Лужин, Лебезятников), либо показывает её финальную цену (Свидригайлов), либо предъявляет живую альтернативу (Соня, Разумихин).

5. Опровержение теории в художественной системе романа

Опровержение теории «сильной личности» реализовано на нескольких уровнях:

1. **Сюжетный уровень:** убийство не приносит герою ни «власти», ни арифметической выгоды, но приносит распад личности, болезнь и полное поражение замысла.
2. **Психологический уровень:** совесть выступает как объективная реальность, не зависящая от теоретических построений; герой физически не может жить с убийством.
3. **Композиционный уровень:** сны героя, эпизод «воскрешения» Лазаря, симметрия «до» и «после» преступления создают целостную аргументацию, работающую как логическое доказательство, но средствами искусства.
4. **Финальный уровень:** эпилог — не простое исправление героя, а начало нового пути. Достоевский даёт не мгновенное обращение, а процесс: «восемь лет, только восемь лет!» — и намёк на постепенное обновление через любовь и Евангелие.

Следует особо отметить историко-философский контекст: роман написан в 1866 году, в эпоху распространения радикальных идей в России, и полемически направлен против рационалистического, «арифметического» мышления, способного оправдать любые средства. При этом Достоевский не против «сильной личности» как таковой — его полемика направлена против идеи, что сила личности измеряется правом на преступление, а не способностью к страданию, любви и нравственному подвигу.

«Преступление и наказание» представляет собой художественное опровержение теории «сильной личности» средствами самой литературы: теория, логически безупречная на бумаге, терпит крах при столкновении с живой человеческой природой. Трагедия Раскольникова состоит в том, что он мог бы быть сильным — но его сила, направленная на переступание, оборачивается распадом, а подлинное «воскрешение» начинается лишь тогда, когда герой отказывается от своей теории и открывается другому человеку. Двойничество, система противоречий характера и композиция романа образуют целостный художественный механизм, в котором идея, проверенная жизнью, оказывается несостоятельной.